

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О НЕКРАСОВЕ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ III ОТДЕЛЕНИЯ И ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Публикация С. Макашина

«Г-н шеф жандармов имеет неблагоприятные сведения на счет образа мыслей редактора „Современника“ г-на Некрасова. Должно наблюдать за ним».

(Распоряжение управляющего III Отделением Дубельта от 31 октября 1849 г. ¹⁾)

В стихотворении «Уныние» Некрасов определил отношение к себе органов политического розыска самодержавной власти словами: «Со стороны блюстителей порядка | Я, так сказать, был вечно под судом».

Справедливость этих слов подтверждается, в частности, тем «вниманием», которое проявляли «блюстители порядка» самодержавия к революционно-демократическому поэту, к его жизни, деятельности и даже к его посмертной славе и популярности. Архивные фонды учреждений высшей политической полиции царизма — III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и сменившего его в 1880 г. Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел — хранят немало документальных материалов, в которых упоминается имя Некрасова. Агенты внутреннего политического наблюдения царского правительства следили не только за литературно-издательской деятельностью и связями поэта, опасаясь более всего его скрытого проникновения в некоторые органы печати и нежелательного воздействия на них. Предметом наблюдений служила сама некрасовская поэзия, точнее — конкретные, бытовые проявления ее революционизирующей функции в общественно-политической жизни страны, а также популярность поэта в передовых, демократических кругах русского общества.

После Октябрьской социалистической революции, когда архивные фонды III Отделения и Департамента полиции стали доступны исследователям, советские историки литературы опубликовали в своих научных трудах ряд документов о Некрасове из этих фондов. Предлагаемые вниманию читателей еще несколько новых документов, извлеченных из названных фондов, образующих ныне «Отдел внутренней политики» Центрального государственного исторического архива в Москве, продолжают предшествовавшие публикации, но, разумеется, не исчерпывают материалов о поэте, имеющихся в этих богатых архивных собраниях.

Переходим к сообщению документов, располагая их в хронологическом порядке.

<1>

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В III ОТДЕЛЕНИЕ
28 ОКТЯБРЯ 1857 г.

В представленной 23-го сего октября записке было упомянуто о неблагонамеренном эпитафе: «Императору Николаю, благодарная Россия за 19 <1> февраля», приписываемом графине Растопчиной. Ныне узнал я, что эпитаф этот сочинен неким Щербиной, мелким здешним литератором и человеком с очень злым языком. От него слышали этот эпитаф, как

собственную его выдумку, в доме графа Толстого, вице-президента Академии художеств. Людей, подобных Щербине, Михайлу Салтыкову (о коем писал я на-днях) и еще не следует забыть поэта Некрасова, можно безошибочно считать распространителями вредных и преступных сочинений, ходящих в рукописях по столице и по всей России. — Некрасов, претерпевший гонение от покойного государя, не отпуская его, между прочим, за границу, сделался ныне любимым поэтом русской молодежи. Его сочинения были отпечатаны и в то же время запрещены, но успели расхватить экземпляры, которые читаются с большою жадностью. Сочинения эти мрачны; они доказывают в авторе меланхолию и неудовольствие ко всему его окружающему. Одно из стихотворений под названием «Ненависть» было читано наизусть на сих днях одним из обожателей Некрасова, молодым князем Доргоукиным, находившимся в одном почтенном здешнем обществе среднего класса, вместе с другом и товарищем его по фаланстеру, графом Фредро. — Что должна ожидать Россия от подобных сподвижников ее развития умственного и политического? Они кричат: встряхнулся русский ум! а мне кажется, что он рехнулся.

23 октября 1857 г.

На полях против подчеркнутых фамилий Щербины, Салтыкова и Некрасова надпись карандашом рукою Дубельта: Иметь в виду и последить.

⟨ЦГИА (М). — Ф. 109, оп. № 95: 2-й Секр. арх. III Отд., № 247 —1857 г.⟩

Судя по последним строкам приведенного текста, перед нами, видимо, записка какого-то добровольного соглядатая III Отделения, притом из так называемых «людей общества»; на это указывает, в частности, галлицизм «эпитаф» (épitaphe) вместо эпитафия. Закрывающая записку политическая сентенция вовсе не характерна для донесений штатной агентыры III Отделения, образцы которых в изобилии находим в том же 2-м Секр. архиве. О не профессиональном, а, так сказать, любительском характере донесения свидетельствует и плохая осведомленность доносчика в предметах его наблюдений. Он передает лишь слухи, не проверяет их и впадает поэтому в ошибки и неточности. Он сообщает, например, о запрещении уже отпечатанных сочинений Некрасова. Но такого факта в 1857 г. не было. В основе сообщения лежит искаженный слух об известных цензурных гонениях на первое издание «Стихотворений Н. А. Некрасова», вышедшее в свет в 1856 г. и тогда же запрещенное перепечатанием. О снятии этого запрещения Некрасов, действительно, хлопотал, и неудачно, в октябре 1857 г. Второе издание было разрешено властями лишь в 1860 г.

Чтение стихов Некрасова «молодым князем Долгорукиим», под которым имеется в виду, вероятно, известный представитель феодально-дворянской фронды 60-х годов Петр Владимирович Долгоруков (1816—1868), находившийся в 1857 г., после своего возвращения из вятской ссылки, в Петербурге, где он, действительно, поддерживал связи с демократическими кругами, в том числе и с Некрасовым³, могло иметь место. Мог присутствовать на этом чтении «друг и товарищ» Долгорукова — неизвестный нам «граф Фредро» (возможно, это был «состоящий по статс-секретариату Царства Польского» граф Максимилиан Максимилианович Фредро³). Но стихотворения под названием «Ненависть» у Некрасова нет. Осведомитель превратил, по насылке, в название, что являлось существенным содержанием и качеством поэзии Некрасова, о котором Герцен писал, как раз в этом же 1857 г.: «... это поэт очень замечательный своею демократическою и социалистическою ненавистью»⁴. И действительно, неразрывная связь любви к родному народу и ненависти к его притеснителям и эксплуататорам являлась одной из характернейших черт некрасовской «музы мести и печали». Именно эта «демократическая и социалистическая ненависть» и вызывала такое озлобление против Некрасова всего правого, реакционно-охранительного лагеря. В этом смысле добровольный осведомитель III Отделения правильно отражал настроения определен-

Исследование

№ 182

А Р Х И В Ъ
№ ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЕ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ

Дурново и Волкова

России 5го

О Свѣдѣніи

18 69 года.

7

Где Шеръ Кондошмаръ
имѣетъ поблательствы
сводные на мою бума
жисей родюва. Соусомни
Где Некрасова.

Должно наблюдать за
нимъ.

В. Дурново

31 Oct: 1869

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ О «СОВРЕМЕННОЕ», И ЛИСТ 7-й ЭТОГО ДЕЛА С РАСПОРЯЖЕНИЕМ
ДУБЕЛЬТА ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1849 Г. ОБ УСТАНОВЛЕНИИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА НЕКРАСОВЫМ

Центральный исторический архив, Москва

ных общественных кругов. Содержащаяся в его доносительной записке характеристика знаменитого первого издания стихотворений Некрасова интересна в качестве одной из конкретных иллюстраций к словам того же Герцена, писавшего в это время в «Колоколе» об «аристократической сволочи», увидавшей в книге Некрасова «революционные возгласы» и потому обрушившей на нее и автора бурю цензурных преследований и политических инсинуаций.

Весьма любопытно указание «записки» на имевшие якобы место попытки Некрасова получить при Николае I разрешение на выезд за границу и на постигшие его при этом не только неудачу, но и «гонения» от царя. Однако проверить и подтвердить достоверность этого сообщения по каким-либо другим документальным источникам мы пока не можем. Не поддается документальной проверке и сообщение агента о Н. Ф. Щербине. Действительно ли он произнес в салоне вице-президента Академии художеств, известного графа Федора Петровича Толстого (1783—1873), сочиненную им «эпитафию» под названием «Императору Николаю, благодарная Россия за 19 <1> февраля»? Сатирическая «эпитафия» эта была, как видно из ее заглавия, написана на смерть Николая I, последовавшую 18 февраля 1855 г. (агент ошибся в дате). «Эпитафии» с таким названием нет среди напечатанных сочинений Щербины. Но, во-первых, его творческое наследие остается до сих пор несобраным и неизданным целиком, а во-вторых, среди «эпитафий» Щербины есть одна действительно посвященная смерти Николая I, но называется она иначе, чем указывает автор. Вот ее текст:

ВСЕОБЩИЙ БЛАГСПРИЯТЕЛЬ

Он меж холопами считался мудрецом
За то, что мысль давить — была его отрада,
Он был фельдфебелем под царственным венцом
И балетмейстером военного парада.

Можно предположить, что в донесении речь идет именно об этой «эпитафии», датированной в подлиннике 1855 г. Повидимому, первоначально она имела иное, эзоповски не замаскированное, заглавие. Авторство Щербины, а тем самым и достоверность сообщаемого осведомителем, подтверждается и косвенно. Именно Щербина культивировал жанр сатирико-эпиграмматических «эпитафий» и он, действительно, был постоянным посетителем салона Ф. П. Толстого.

Упомянув, наряду с Щербиной и Некрасовым, имя М. Е. Салтыкова-Щедрина, автор доноса ссылается на свою недавнюю специальную записку о сатирике. Эту «записку», датированную 26 октября 1857 г., мы нашли в бумагах того же 2-го Секретного архива III Отделения. Вот текст документа:

Стараясь всеми мерами узнать сочинителя известных уже стихов, под названием «Чиновник», я разговаривал о сем недавно в кругу людей, читающих с любопытством подобные сочинения, и от них услышал предположение довольно основательное, что помянутое стихотворение принадлежит перу Салтыкова, пишущего в «Губернских очерках» с такою же язвительностью, с таким же близким знанием быта чиновников и с такою же натуральною плавностью слога. Секретный обыск его бумаг во всяком случае был бы плезным, ибо Салтыков с юных его лет был безнравственным человеком и сатириком, не расположенным к правительству.

⟨ЦГИА (М).—Ф. 109, оп. № 95: 2-й Секр. арх. III Отд. № 246—1857 г., лл. 1 об.—2⟩.

К авторству сатирически-обличительной поэмы «Чиновник» (текст ее имеется в делах III Отделения в нескольких экземплярах) Салтыков не был причастен. Но донесение осведомителя интересно характеристикой политических настроений сатирика в период после вятской ссылки. Из семилетия Вятки в столицу, к прерванной литературной работе, вернулся не примиренный петрашевец, как на то рассчитывали Николай I и его жандармы, отправляя в 1848 г. автора «Запутанного дела» в изгнание, а писатель-демократ, попрежнему оставшийся «сатириком, не расположенным к правительству».

<2>

ВЫПИСКА ИЗ <ПЕРЛЮСТРИРОВАННОГО> ПИСЬМА И. К. ЗЕМАЦКОГО
ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА, ОТ 20 ФЕВРАЛЯ 1876 г., К УЧЕНИКУ V КЛАССА
ВИЛЕНСКОГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА А. СТРАВИНСКОМУ, В ВИЛЬНУ

Перевод с польского

Расскажу тебе о событии, которому в нашем студенческом быту я придаю некоторую важность: говорю о студенческом бале! Важность тут, собственно, не в самом бале, не в увеселении, а в результате, возникшем из приготовлений к балу, т. е. в спорах по поводу приготовлений.

Каждый курс представил своих депутатов; их всех собралось человек с лишком 50, которые составили комиссию, решавшую спорные вопросы большинством голосов. — Нужно было слушать громкие речи господ юристов (считавших себя чуть ли не Цицеронами и Демосфенами), произнесенные ими в разъяснение вопроса: следует ли взимать за бутылку пива 15 или 20 копеек, за бутерброд — 5 или 10 копеек?

Несравненно сильнее, однако, вышли прения и столкновения, когда коснулись выборов почетных гостей, которым студенты, в знак особенной к ним симпатии, решили послать почетные пригласительные билеты.

Первый е д и н о г л а с н ы й выбор пал на Некрасова, известного либерала, поэта-писателя. — Спасовича сначала выбрали тоже большинством голосов, но после защиты им Кронеберга, нанесшего безмилосердно побои 13 летней своей дочери, он всех нас вооружил против себя, так что никто и слышать о нем не хотел.

Более же всего шума произошло по поводу выборов 2-х личностей <...> Первая из них — адвокат Боровиковский, а вторая — писатель Достоевский. Боровиковского хотели избрать за пожертвование им в пользу студентов 1000 рублей. Но тут восстала партия, выразившая мнение, что студентов деньгами не подкупить. Против Достоевского мы, с своей стороны, протестовали, так как он изменил первоначальному своему либерализму; итак Достоевского тоже не избрали.

Сверху надпись: Получено от его величества 25 февраля 1876 года.

<ЦГИА (М).—Ф. 109, оп. № 95; 2-й Секр. арх. III Отд. № 71—1876 г., лл. 1—2>.

Помета на документе о возвращении его от Александра II не свидетельствует о каком-либо особо важном в глазах руководителей III Отделения значении опубликованного текста. По заведенному еще Николаем I порядку царю, когда он находился в Петербурге, посылались для прочтения копии всех перлюстрированных писем. Но, не заключая в себе ничего экстраординарного, письмо неизвестного нам И. К. Земацкого не случайно привлекло к себе внимание «черного кабинета». Оно как бы «живьем» выхватывало и фиксировало момент из общественного быта студенческой молодежи. А политическими настроениями студенчества (в данном случае Петербургского университета) власти, как известно, интересовались весьма пристально.

Ни в каких особых пояснениях письмо не нуждается. Сообщаемые в нем результаты выборов почетных гостей для студенческого бала (одна из обычных легальных форм, в которых проявлялась общественно-политическая активность учащейся молодежи прошлого) ярко отражают демократическо-оппозиционные настроения студентов столичного университета. Одинаково показательны здесь и единогласное избрание Некрасова, подлинного «властителя дум» передовой молодежи 70-х годов, и забаллотирование Достоевского как писателя, «изменившего» делу «либерализма», т. е. делу национального освободительного движения русской демократии, и вступившего в союз с силами реакции. Не менее характерен и остракизм, которому были подвергнуты два видных представителя буржуазно-либерального лагеря: известный юрист и поэт (печатавшийся в «Отеч. Зап.») Александр Львович Боровиковский (1844—1905) и знаме-

нитый адвокат Василий Данилович Спасович (1829—1904). Мотивировка забаллотирования первого опиралась на юношеский ригоризм. Жертвуя в пользу нуждавшихся студентов деньги, Боровиковский, личный друг (хотя и не единомышленник) Щедрина, разумеется, ни о каком «подкупе» молодежи не помышлял. Решение же вопроса об отмене состоявшегося ранее избрания Спасовича имело принципиальный характер и свидетельствовало об умении студентов разбираться в политической стороне текущих общественных явлений. Нашумевший процесс Кронеберга — истязателя своей малолетней дочери — слушался в Петербурге в январе 1876 г. Защищал Кронеберга Спасович, добившийся оправдания подсудимого вопреки очевидному у всех наличию состава преступления. Защита Спасовича ярко обнаружила всю беспринципность буржуазной адвокатуры и все ее органические пороки. Защита Спасовича действительно вооружила против него многих, и не только в демократическом лагере. Его сурово критиковали, хотя и с разных позиций, такие идейно-политические антиподы, как Щедрин и Достоевский. Первый из них посвятил «делу Кронеберга» свою статью «Отрезанный ломоть» («О. З.», 1876, III; подпись — «Молодой человек»; статья вошла в сборник «Недоконченные беседы», V), второй отвел этому «делу» всю вторую главу февральского «Дневника писателя» за 1876 г.

< 3 >

КОПИЯ <ПЕРЛЮСТРИРОВАННОГО> ПИСЬМА С ПОДПИСЬЮ «П. П.»
ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА, ОТ 3 АПРЕЛЯ 1878 г., К ЯКОВУ ГРИНШТЕЙНУ,
УЧЕНИКУ VI КЛАССА, В ЖИТОМИР

Замечательные вещи происходили и происходят в последнее время в Питере. За это время умер Некрасов, незабвенный «печальник народного горя»; на похоронах присутствовала вся интеллигенция, молодежь. При этой торжественной церемонии каждое наблюдательное око могло увидеть, что в внутреннее связующее звено между Некрасовым и молодежью были — те стоны и рыдания про угнетенное мужичье, которые сквозят в каждом стихе Некрасова.

Теперь другое событие дня — самый отрадный факт нашей теперешней петербургской жизни, факт, который будущий историк современного общественного движения (не славянского!) отметит как отрадный поворотный пункт: это оправдательный вердикт над Засулич. Подждавшая толпа молодежи встретила Засулич, при выходе из окружного суда, громкими криками: «Да здравствует Засулич!» — и несли ее на руках по всей дороге. Факт знаменательный и в высшей степени светлый!!!

Пишите мне по адресу товарища Вахтеля, в С.-Петербург, угол Садовой и Большой Подъяческой улиц, дом № 31, кв. № 49.

Сверху надпись: Получено от государя-императора 18 апреля 1878 г.

<ЦГИА (М). — Ф. 109; 2-й Секр. арх. III Отд., № 372—1878 г.>

Приведенный текст интересен как отклик рядового представителя демократической молодежи на такое событие, как смерть Некрасова, отклик, лишний раз свидетельствующий, что именно глубокий демократизм умершего поэта был «внутренним связующим звеном» между ним и молодыми силами передовой России.

< 4 >

<АГЕНТУРНАЯ КОПИЯ «ПРИМЕЧАНИЯ» П. Л. ЛАВРОВА О НЕКРАСОВЕ
ПО ПОВОДУ ОТЗЫВА И. А. ХУДЯКОВА>

Человек энергического дела, отдавший жизнь свою за это дело, вправе строго отнестись ко всякой личности, поступившейся своей общественной обязанностью в минуту опасности. Оправдания для подобных падений не существует ни для кого, тем менее для личностей, ум и талант которых сделал их учителями и руководителями современного им поколения. Но всякое явление должно быть понято в его общест-

венных причинах. Если в данном обществе наиболее развитые и наиболее энергичные люди становятся в ряды революционеров, это доказывает присутствие в обществе тяжелой болезни, которая настолько распространена и упорна, что не может быть излечена ни частными реформами, ни личными усилиями особой развитой в себе истинные общественные идеалы и служить этим идеалам, но позволяет надеяться на выздоровление лишь при радикальном изменении общественного строя. Если же эта болезнь так распространена и упорна, то неизбежны и ее проявления в самых избранных личностях при удобных для заболевания обстоятельствах. Каждый тогда расположен к припадкам нравственной эпидемии, и лишь ценою огромных нравственных усилий отдельный деятель может, при невыгодной обстановке, отстоять против этой эпидемии свое личное достоинство. В обществе, нуждающемся в революции, частные нравственные падения должны составлять правило; нравственный же деятель является счастливым исключением. Нашим читателям нечего напоминать о той эпидемии трусости, лицемерия, отступничества, индифферентизма, которые развились в русском обществе в продолжение 30-летнего царствования Николая I. Литературные деятели 40 и 50-х годов внесли в это глубоко-развращенное общество элементы оздоровления, но это были только элементы, а патологические начала продолжали присутствовать в обществе, и все лучшие люди этого времени носили в себе зародыши того самого зла, против которого боролись. Традиции стойкости в борьбе вырабатывались лишь постепенно в отдельных личностях. Но опасность поступиться своим достоинством в трудную минуту постоянно висела над всяким. Самому Худякову, строгому к себе, как к другим, пришлось внести в свою автобиографию известие о поступке, который он назвал «подлым показанием», написанным два раза при полной прострации физических и нравственных сил. Но кто же, кроме его самого, решился бы употребить в этом случае подобное выражение?

Жизнь Некрасова не приготовила в нем вовсе человека дела и не развила в нем стойкости характера. В трудную минуту, когда русское общество почти целиком было охвачено припадком трусливой подлости, его желание спасти страстно любимый им «Современник» довело его до нравственного падения и даже отуманило его светлую мысль, не угадавшую, что это падение было бесполезно при существовавших условиях. Но это не помешало поэту Некрасову остаться одним из самых полных литературных выражений того, что переживала русская мысль в 50-х и 60-х годах. И никто лучше самого поэта не чувствовал внутреннее страдание из-за того, что его рука «у лиры звук неверный исторгала», что «жизнь любя, к ее минутным благам прикованный привычкой и средой», он «к цели шел колеблющимся шагом» и «для нее не жертвовал собой». Он сохранил лишь «любовь» к народу, «воспеть страдания» которого он считал своим призванием. Но многие ли между людьми тех поколений, которые нашли в стихотворениях поэта отражение своих общественных болей и своих общественных стремлений, остались настолько стойкими в минуту тяжелых искушений, что имеют право ответить строгим «нет» на стих кающегося поэта: «За каплю крови, общую с народом, мои вины, о родина, прости?»

⟨ЦГИА (М). — Ф. 102, 3-е делопроизводство Департамента полиции: «Секретные сведения по наблюдению за деятельностью русской эмиграции. Швейцарская агентура», 1882 г.⟩

Подлинник опубликованного текста, представляющий автограф неизвестной руки, не содержит никаких помет. Однако из старой архивной описи 3-го делопроизводства Департамента полиции, охватывающей бумаги заграничной, в том числе швейцарской,

агентуры за 1882 г., видно, что в подшивке этих бумаг имелось какое-то позже изъятое агентурное донесение о П. Л. Лаврове, предшествовавшее нашему документу. И действительно, связь последнего с Лавровым — самая прямая. Текст рукописи, доставленной в Департамент полиции, представляет собою не что иное, как агентурную копию «примечания» Лаврова, анонимно напечатанного на стр. 168—169 книги каракозовца И. А. Худякова «Опыт автобиографии», посмертно изданной «Вольной русской типографией» в Женеве, в 1882 г.

Какой агент, когда и каким образом установил авторство Лаврова в отношении приведенного текста и действительно ли установил это и в какой связи этот текст заинтересовал агента, был скопирован и прислан им в Департамент полиции — на все эти вопросы архивные материалы не дают ответа. Что же касается до существа дела, то оно связано с историей издания автобиографии Худякова и сводится к следующему:

Анонимными женевскими издателями рукописи Худякова, умершего в 1876 г. в сибирской ссылке, были, как теперь установлено, П. Л. Лавров и Г. З. Елисеев⁵. Инициатива издания принадлежала, видимо, последнему и, вероятно, он же, отправляясь в августе 1881 г. за границу, где прожил до 1885 г., привез с собой самую рукопись Худякова, получив ее какими-то путями из Сибири, где у Елисеева, как известно, были обширные связи и знакомства. Так или иначе Елисеев проявил особую заинтересованность к посмертному изданию труда Худякова, с которым давно и тесно был связан⁶. По существу он был редактором этого труда и читал его корректуры, приславшиеся ему из Женевы в Люцерн Лавровым. В качестве редактора Елисеев не мог пройти мимо того места в книге Худякова, где последний сформулировал, в крайне резких выражениях и как бы от имени всего поколения революционеров своего времени, суровое обвинение Некрасову, по поводу его «муравьевской оды». В ответ на это обвинение Елисеев написал обширное «примечание», превратившееся, по его собственным словам, в «полное оправдание Некрасову»⁷. Лавров не согласился с точкой зрения Елисеева, отверг его «примечание» и вместо него написал свое собственное, которое и было напечатано (с пометкой «прим. изд.») на стр. 168—169 книги Худякова.

Любопытна и в своем роде парадоксальна последующая судьба обоих «примечаний» в некрасоведческой литературе: елисеевское, отвергнутое и в свое время не напечатанное, получило широкую известность, лавровское, напечатанное в книге Худякова, осталось вовсе неизвестным, к нему ни разу не обращались исследователи, и его текст перепечатывается ныне впервые. Причина лежит в малой изученности материалов русской зарубежной вольной печати в плане историко-литературного исследования. «Примечание» же Елисеева именно потому и приобрело известность, что стало после его смерти достоянием ряда публикаций в легальной русской печати. Впервые заметка Елисеева была использована, по сохранившейся в его бумагах рукописи, Н. К. Михайловский в 1891 г. Но он привел лишь одну большую цитату из заметки, констатировав «с сожалением», что полностью она «не подлежит опубликованию» по цензурным условиям. Не смог целиком опубликовать елисеевский текст и П. Ф. Якубович в 1902 г. И лишь в наши дни, через полвека после своего возникновения, текст этот был напечатан, наконец, целиком в составе воспоминаний Елисеева в книге «Шестидесятые годы»⁸. Однако публикация помещена здесь с произвольным заглавием «О личности Некрасова» и с неправильным комментарием. Ни Михайловский, ни Якубович, ни редакторы книги «Шестидесятые годы» не знали подлинной истории происхождения заметки Елисеева и того, что она предназначалась для бесцензурного зарубежного издания.

Сравнение двух полемических «примечаний» к выпадку Худякова против Некрасова отчетливо обнаруживает не только резкое принципиальное расхождение Елисеева и Лаврова в оценке «муравьевского эпизода» из биографии поэта, но и различие их политических позиций вообще. Такое сравнение вскрывает мотивы, заставившие Лаврова отвергнуть «примечание» Елисеева, с которым его связывали долгие дружеские отношения.

Заметка Елисеева («О личности Некрасова») слишком хорошо известна в некрасоведческой литературе, чтобы излагать ее содержание. Достаточно напомнить ее основную мысль, относительно которой Елисеев подчеркнуто писал Лаврову: «в и с т и н е

ее я не сомневаюсь». Мысль эта, как известно, заключалась в убеждении Елисеева, что «жертва, принесенная Некрасовым чудовищу <Муравьеву>, была не только вполне законна, но и необходима». Елисеев утверждал (вопреки фактам), что эта некрасовская «жертва, принесенная чудовищу, умилостивила его и тем спасла литературу, спасла новую идею и ее бойцов, сделала возможным ее скорое возрождение с новыми силами».

Аргументируя свой тезис, Елисеев написал подлинную апологию тактики компромисса, тактики приспособления общественной и литературной деятельности к требованиям самодержавной власти. Он утверждал, что в русских исторических условиях эпохи царизма «ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тем более дело, не могут явиться без компромиссов, ибо все может явиться только с изволения».

Эволюция Елисеева от бывшего демократизма 60-х годов к либерально-народническому оппортунизму 80-х годов достаточно известна. Одним из наиболее показательных документов завершенности этой эволюции явилось как раз «примечание» Елисеева о Некрасове по поводу книги Худякова.

Понятно, что народнический революционер и политический эмигрант Лавров не мог уже в силу общих принципиальных соображений согласиться с насквозь оппортунистической конценцией Елисеева, возвеличивавшей компромисс и фетишизированной легальность.

Не мог принять Лавров и елисеевского «оправдания» Некрасова. Такое «оправдание» извращало морально-политический облик великого поэта-демократа, названного Елисеевым «героем-рабом».

Сам Лавров, как видно из приведенного текста его ответа Худякову, занял принципиально иную позицию в оценке поступка Некрасова. Он не только не «оправдывает» этого поступка подобно Елисееву и тем более не возвеличивает его, но заявляет: «Оправдания для подобных падений не существует ни для кого, тем менее для личностей, ум и талант которых сделал их учителями и руководителями современного поколения». «Муравьевская ода» была в глазах Лаврова непростительной политической ошибкой великого поэта, но ошибкой временной, случайной и им же самим сурово осужденной. Не «извиняя» падения Некрасова, Лавров разъясняет, однако, причины, сделавшие его возможным. Он находит эти причины в конкретных исторических условиях политической жизни страны. Жестокий гнет реакции николаевского царствования и отсутствие развитого общественного движения в стране не способствовали выработке «традиций стойкости в борьбе» в людях 40—50-х годов. Лавров указывает при этом и на объективные факты личной биографии поэта. «Жизнь Некрасова, — пишет он, — не приготовила в нем вовсе человека дела <читай революционера> и не развила в нем стойкости характера».

За всем тем Лавров ограничивает право и, так сказать, диапазон возможного осуждения Некрасова. Революционер, отдавший свою жизнь за дело народа, «вправе строго отнестись ко всякой личности, поступившей своей общественной обязанностью в минуты опасности». Но и люди революционного подвига, подобные Худякову, — таков смысл заключительной части «примечания» Лаврова — совершают глубокую ошибку, распространяя свое осуждение поступка Некрасова также и на его творчество — великого идейного союзника дела революции.

«Муравьевская ода» была одним из проявлений тех колебаний Некрасова, о которых писал Ленин: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них». (Ленин, Соч., Изд. 3-е, стр. 132).

Лавровская оценка политической ошибки Некрасова явилась одним из первых в литературе о нем, но так и оставшимся незамеченным, выступлением на эту тему со стороны революционного (народнического) лагеря. В этом интерес и ценность опубликованного нами забытого текста.

<5>

ВЫПИСКА ИЗ <ПЕРЛЮСТРИРОВАННОГО> ПИСЬМА С НЕРАЗОБРАННОЮ ПОДПИСЬЮ ИЗ [С.-ПЕТЕРБУРГА, ОТ 28 НОЯБРЯ 1882 г., К МАРТЫНОВУ, В ПАРИЖ, RUE DE RIVOLI, 250

Нельзя не пожалеть нашей бедной молодежи, которую п о д о г р е в а ю т в разных кружках, так расплодившихся у нас за последнее время. Познакомлю вас с одним из них. Мне довелось быть в «Пушкинском кружке»: вечер был посвящен Н е к р а с о в у. Разные признанные и не признанные литераторы и литературшики, впрочем все громкие имена: напр., Сальников, Оболенский... читали бессмертные произведения великого поэта, «печальника русской земли», всю жизнь свою посвятившего «бедствиям и безысходному горю народа» и пр. и пр. Глашатаи некрасовских истин читали без малейшего понятия о декламации, но зато с каким-то необыкновенным чувством, с какими-то жестами. Сюрпризом для всех было появление на эстраде Луизы Мишель (Стрепетовой), которой вовсе не значилось на афише. Прочла она «Песню Еремушке» и затем на bis еще несколько пьес, приуроченных ко вкусу публики, почти сплошь состоявшей из студентов. При чтении одного места в пьесе «Мать»:

Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас среди полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

(причем слово «несчастные» было повторено) с Луизой Мишель внезапно сделался нервный припадок; лектриса встала и быстро ушла; гром аплодисментов вызвал ее на секунду, но затем вышел распорядитель вечера и объявил, что Стрепетова нездорова... На последнем вечере не было истерических припадков, но задор все-таки был, и в этом отношении пальму первенства стяжал известный профессор-публицист Миллер (Орест). Были прочтены некоторые стихотворения новых людей, видимо, рассчитанные на эффект. Стихотворения эти, действительно, производили впечатление. После слов:

Эмблема жизни — кровь и слезы,
Цель жизни — мечь ... —

следуют рукоплесканья, вызовы, раздаются крики «браво». В одном из стихотворений высказана мысль, что «несчастный», кто бы он ни был, должен стремиться к жизни: он, более чем кто-либо, имеет право на жизнь, понимаемую новыми образованными людьми, конечно, в самом широком значении слова; и вот вещается с подмостков: если бы такого несчастного вели за преступление на казнь, —

Он должен крикнуть палачу:
Оставь меня, я жить хочу!..

И опять аплодисменты, браво и пр.

Пишу вам подробно об этом нарочно для того, чтобы показать вам, чем занимают и развлекают у нас молодежь. Повидимому, совершенно невинное удовольствие, даже иногда не без комического оттенка, обращается в нечто задорное, зажигательное, электризирующее нервы, и много ли надо, чтобы расшевелить нашего юношу? А тут казанская «история», всплывает чиновничество в лице университетской администрации, то тут, то там слышатся слова: «гнет», «насилие» и т. п.; фантазия подогретого юноши дополняет всевозможные его представления... и у нас в Петербурге готова своя «история», подобная казанской, а там

пошли гулять в Киеве, Харькове, Ярославле, и кто поручится, что завтра не будут новые сведения о новых беспорядках в Москве и Одессе?

Сверху резолюция рукою директора Департамента полиции В. К. Плеве: Прошу доставить мне подробные сведения о Пушкинском кружке. Его устав, состав членов, занятия, порядок устройства чт(ений).

⟨ЦГИА (М.) — Ф. 102 (Департамента полиции), оп. № 171; № 1, 1883, лл. 69—70⟩.

Используя в целях наблюдения за политическими настроениями в обществе метод перлюстрации, Департамент полиции уделял внимание не только корреспонденциям «неблагонамеренного» содержания, но и письмам людей, стоявших на реакционно-охранительных позициях. Содержащиеся в переписке таких людей сведения общественно-политического характера представляли в глазах властей ценность дополнительной информации, идущей, к тому же, от политических союзников самодержавного правительства. Образчиком такого рода перлюстрации и является опубликованный выше текст.

Информации, почерпнутой из письма с неразобранной подписью, о двух вечерах «Пушкинского кружка», на одном из которых Стрепетова читала стихи Некрасова, оказалось достаточно, чтобы Департамент полиции завел по распоряжению своего директора Плеве специальное «дело» о названном кружке и установил за его деятельность негласное полицейское наблюдение⁹. Никакой «поживы» для политической полиции это наблюдение, впрочем, не принесло. «Пушкинский кружок» и по составу своих членов и по характеру своей деятельности был весьма далек от политической борьбы или хотя бы сколько-нибудь активной оппозиции существовавшему строю. Основанный осенью 1881 г. группой второстепенных литераторов, связанных с либеральной печатью, «Пушкинский кружок», хотя и ставил своей главной целью «развитие русской изящной словесности», но практически занимался больше изысканием средств для материальной поддержки своих членов, преимущественно путем устройства платных литературных вечеров и чтений при участии самих писателей и известных артистов¹⁰.

Два вечера «Пушкинского кружка», о которых сообщается в перлюстрированном письме, состоялись, в зале Тулякова при Знаменской гостинице, 7 и 21 ноября 1882 г. Первый вечер был посвящен, в литературной своей части, Некрасову, стихи которого и читала Стрепетова, второй, где выступал О. Ф. Миллер, — Достоевскому¹¹.

Впечатления автора письма от выступления П. А. Стрепетовой с чтением некрасовских произведений интересно как живое свидетельство очевидца (хотя и враждебно настроенного). Близкая по своим настроениям к народнически-демократическим кругам, «нигилистка», как звали ее за кулисами Александринского театра, Стрепетова была одной из наиболее выдающихся и идейно близких Некрасову интерпретаторов его поэзии с актерской эстрады. Особенно сильное впечатление производило, по воспоминаниям современников, ее чтение стихотворения «Суров ты был», посвященного памяти Добролюбова¹². Теперь мы узнаем об успехе, с которым она исполняла «Песню Еремашке» и поэму «Мать».

Актриса, чья игра и эстрадное чтение основывались на первом подъеме, на большой эмоциональной возбудимости, доходившей порою до экстаза, Стрепетова своим исполнением Некрасова революционизировала свою аудиторию, состоявшую обычно из студенческой молодежи. Несомненно, именно поэтому ретроградный автор письма и называет в нем артистку именем известной французской революционерки, участницы Парижской коммуны, Луизы Мишель. В условиях новой волны так называемых «студенческих беспорядков» и «университетских историй» осени 1882 г.¹³ выступления Стрепетовой, подчеркивавшие и пропагандировавшие наиболее сильные революционно-протестующие стороны некрасовской «музы мести и печали», должны были привлечь и, действительно, привлекли внимание жандармских «блустителей порядка».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЦГИА(М)—Ф. III Отд., 1 экспед., 1849 г., д. № 18: «Журналы и газеты. Часть 5-я. О Современнике», л. 7. Обстоятельства, при которых Дубельт отдал это распоряжение, поставившее Некрасова под тайный надзор III Отделения, изложены

в книге М. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», СПб., 1909, 199—202. Приведенный в эпитафии текст упомянут у Лемке, но не опубликован (см. на стр. 201 наст. тома факсимиле документа).

² См. публикацию письма П. В. Долгорукова к Некрасову от 5 января 1859 г. и комментарий к нему в «Литературном Наследстве», т. 51—52, стр. 236—238.

³ «Адрес-календарь» на 1857 г.

⁴ А. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, VIII, 517.

⁵ «Из неизданной переписки П. Л. Лаврова и Г. З. Елисеева». — «Литературное Наследство», т. 19—21, М., 1935, стр. 261 сл.

⁶ Об этом с полной определенностью свидетельствует сам Елисеев в одном отрывке из своих воспоминаний, процитированном Михайловским, но почему-то не вошедшем в книгу «Шестидесятые годы» (изд. «Academia», М.—Л., 1933). «Худяков, — пишет в этом отрывке Елисеев, — был очень ко мне близкий человек, хорошо меня знавший, к которому я был очень привязан, равно как и он ко мне» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900, I, 480).

⁷ Письмо Г. З. Елисеева к П. Л. Лаврову от 9 августа 1882 г. — «Литературное Наследство», т. 19—21, М., 1935, стр. 270.

⁸ Н. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, СПб., 1900, I, 75—76; П. Якубович. Муза мести и печали. — «Русское Богатство», 1902, XI, 39—42; «Шестидесятые годы». (Воспоминания М. Антоновича и Г. Елисеева). Изд. «Academia», М.—Л., 1913, 460—467.

⁹ ЦГИА (М). — Ф. 102, оп. № 76, д. № 29: «О Пушкинском собрании».

¹⁰ Листовка: «Устав Пушкинского кружка», СПб., 1881. Основателями кружка в уставе названы следующие писатели: Н. П. Стремоухов, А. С. Стремоухова, Д. Н. Садовников, В. К. Мюр, С. Д. Дрожжин, М. Н. Альбов, А. Н. Сальников, Н. А. Соловьев-Несмелов, Н. И. Позняков, К. С. Баранцевич, Д. А. Рубин, А. В. Круглов и А. Е. Алеев-Днепровский.

¹¹ См. объявления и программы вечеров в газ. «Новое Время», 1882, №№ 2404 и 2418.

¹² П. А. Стрелетова. Воспоминания и письма, «Academia», М.—Л., 1934, 458.

¹³ См. об этом, напр., «Правительственный Вестник», 1882, от 10/22 ноября, № 248.